

Вячеслав Ястребинский

Последняя песнь соловья

Вячеслав Ястребинский

Последняя песнь соловья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20097858

ISBN 9785448304842

Аннотация

Жестокость порождает жестокость. Тьма порождает тьму. Лишь в наших силах порвать замкнутый круг. В нас самих где-то внутри все еще горит свет. Но так ли это?

Содержание

Глава первая. Майский цветок	9
Глава вторая. Чистый лист	30
Глава третья. Ловец снов	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Последняя песнь соловья

Вячеслав Ястребинский

*Когда загорается небо, а в воздухе запах дождя,
ты просто постой и послушай последнюю песнь
соловья.*

© Вячеслав Ястребинский, 2016

ISBN 978-5-4483-0484-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Утро. Солнце только начинало подниматься. Над рекой стоял белой дымкой легкий туман. Слово пар. Ветер покачивал пышные желтоватые перья камыша, тихонько шурша ими. Вдали на холме виднелся лес. В реке плеснулась крупная рыба, оставив после себя круги на поверхности. Потревожила тишину и монотонное течение полноводной прозрачной воды. Тут же скрылась, ушла обратно на дно. Пробудились стрекозы. Стряхнув со своих крыльев капельки росы, распрямили их и полетели встречать новый день. В молодой зеленой траве сплел узорчатую паутину паук. За ночь в нее успело попасться несколько особенно упитанных мошек. Теперь же паук неспешно полз к ним по нитям, радостно передвигая мохнатыми конечностями. Мир просыпался. День начинался.

Солнце поднималось выше. По небу плыли одинокие об-

лака. Небольшие. Как белые мягкие подушки на простыне лазурного цвета. На востоке небеса искрились красным. Лучи показались и коснулись речной воды, заблестев в ней ярко-желтыми бликами. День обещал быть жарким.

В тишине летнего утра по заасфальтированной дороге можно было услышать шаги. Они довольно громко отдавались эхом под зданием на дамбе. Строение то имело бирюзовый цвет. Чуть бледноватый. Кое-где от старости краска стала осыпаться; и если подойти вплотную к стене, остановиться, прислушаться, то можно услышать, как она падает и разбивается о землю. Как раз в том месте, где лежит собака-сторож. Вот только она уже стара и ей не до шагов, не до осыпающейся краски. Она спит, еле заметно подергивая ухом. И снятся ей сны минувших дней.

Шаги все еще слышны, только вот уже не так громко. Под самой крышей здания свили свои гнезда ласточки. Их там много. Выбираясь из своих домов, кружат вокруг дамбы и ловят мошкару. А на темном стекле возле лестницы видна трещина, наблюдающая за всем происходящем. Словно глаз. Большой глаз, взирающий в самую суть всех истин. Только никогда он не расскажет, что видел сегодня здесь и сейчас.

Вода шумит и пенится внизу. Река проходит через дамбу, попадая в резервуар, а затем вырывается наружу с другого конца небольшим водопадом. Шумит вода и злится, потому что потревожили ее медленное сонное течение. Она падает вниз в полукруг из бетонных плит. А затем вновь продолжа-

ет свое движение вдаль, мимо высоких деревьев. Ветвится, протекая рядом с домами. И так она течет, устремившись вперед далеко за горизонт.

Невысокие перилла находятся вдоль всей дамбы. Рядом с ними висит знак, что плавание и прыжки в воду запрещены, опасно для жизни. Какого цвета были когда-то перилла, сказать трудно. Краска на них давно уж вся слетела вниз в воду. Быть может, растворилась или покоится теперь на самом дне. Только один цвет можно наблюдать на холодном металле в данный момент. Он сверкает в лучах солнца подобно алому цветку. Будто какая-то дикая роза или что-то похожее. А под ним на земле вырастает новый цветок. И звук, раздающийся тихо-тихо, – кап-кап-кап. Кровь капля за каплей падает на землю с перилл. Растекается, смешивается с пылью, темнеет. Там же лежат осколки зеленого стекла, когда-то являющиеся бутылкой. В них лучи режутся и лучатся ярким-ярким светом, заставляя обычные осколки стекла стать на миг фантастическими драгоценными камнями.

Последняя капля крови падет вниз. Кап. И вновь тишина. Только вода шумит внизу.

Из пены в темной воде появляется инородный предмет. Это не рыба. Что-то гораздо крупнее. Что-то большое и неподвижное.

Собака гавкает во сне и пробуждается. Она уже успела забыть о том, что недавно видела. Что лаяла на кого-то, а услышав громкий звук, заскулила и, поджав хвост, забежала под

лестницу. Ее жизнь вновь шла своим чередом. Она попыталась поймать назойливую муху, но попытка не увенчалась успехом. Солнце стало пригревать. Ей пришлось подняться и напрячь старые кости. Перебралась в тень, чтобы придаться сну. Никто ей больше не мешал, ничто ее не отвлекало. Разве что блохи, но и о них можно было позабыть, если очень захотеть. А ей и хотелось. Только спать и видеть сны. Сны старой, уставшей от жизни собаки.

Ласточки то стрелами пролетали у самой воды, то поднимались в голубую высь. Все жило, все оживало с теплом солнца. За полем по железной дороге стучал проезжающий поезд. Он, словно гигантская змея, растянулся множеством вагонов. Ту-тух-ту-тух, – тихое эхо тревожило безмятежность раннего утра. Хотя, скорее гармонично вписывалось в него.

Руки неподвижно замерли у поверхности. На них были видны порезы. Голова скрыта в воде. Белая майка намокла и была теперь грязного серого цвета. Из пробитой головы сочилась кровь, тут же растворяясь в реке. Рядом мелькали стайками рыбы. Мертвое безвольное тело прибило к бетонным столбам. Там оно замерло ненадолго, а затем продолжило свое движение мнимое течением полноводной реки. Его когда-нибудь прибьет к берегу. К пляжу за деревней или же в заболоченный приток, где его никто и никогда не найдет. А может быть последним пристанищем для него станет колышущийся на ветру камыш, где так громко квакают лягуш-

ки. Все может быть.

Шаги уже не слышны. Они далеко от дамбы на песчаной тропе. Там шелестит листва орешника. Пытается подняться на широкие листья лопуха виноградная улитка, то и дело, срываясь и падая вниз. Меж стволов и камней по сухим веткам пробегает в поисках еды ежик, задевая крапиву. Сопит и похрюкивает. Но никто не слышит его и не видит. На холме, где край города, золотится куполами храм. Колокола приходят в движение. Звенят, разливаясь музыкой над лесом и полем, над рекой, устремляясь в небо. В чьем-то дворе надрывает горло молодой петух. Ему отзываются собаки. В окнах появляются проснувшиеся люди. Маленькие домики сменяются многоэтажками. Между ними проносятся первые машины по переплетениям дорог. Белый пар валит из огромной трубы. Город просыпается.

И в воздухе стоял сладкий весенний запах цветов и трав. Преобладала легкость над тягучим напряжением. Ничто не тревожило более тишину природы и города. День начинался. Утро играло всеми красками. Тепло разбавлялось чуть прохладным ветерком. Мир жил, как всегда это было. И все шло своим чередом.

Глава первая. Майский цветок

Электричка остановилась, и я покинула душный вагон. Это была незнакомая станция без каких-либо опознавательных знаков. Электричка тем временем тяжело вздохнула и продолжила свой путь, стуча по металлу блестящих рельс. Солнце было высоко и довольно жарко пригревало. Я сняла с плеч рюкзак и огляделась вокруг.

Поезд стучал, убегая прочь от меня за горизонт. Он был все еще виден и едва слышен. Помимо меня на этой станции никто больше не вышел. Да и в моем вагоне, как и в других, почти никого и не было. Вокруг была тишина. Разве что птицы пели на соседних деревьях, да в высокой траве стрекотали кузнечики и другие насекомые. Я сделала несколько шагов вперед и села на одну единственную лавочку. Она была ржавая. Две сохранившиеся доски на ней уже сбросили с себя весь цвет. Под ней из асфальта пробились одуванчики. Они светили из бледной тени, как два маленьких солнца в обрамлении зеленых листьев. И вокруг стоял сладкий запах первого месяца лета.

Я пока не имела ни малейшего понятия, что делать дальше и где поблизости имеется населенный пункт. Передо мной железная дорога, позади старенький дом, а за ним распростерлось широкое поле.

У меня не было никакого желания останавливаться здесь

и ждать, когда вновь приедет какой-нибудь поезд. После того, как уехала моя электричка, уже прошло много времени, но ни одного поезда больше не показалось. Посмотрела направо – уходящие вдаль раскаленные рельсы. Налево – аналогично. Ни стука колес где-то вдалеке, ни намека. Посмотрела на часы, уже вечерело. Было почти шесть. А это означало, что если (скорее всего) никакой поезд здесь не остановится, мне придется ночевать на этой самой лавке под открытым небом в надежде на лучшее. Нет уж, увольте! Нужно было действовать.

Я поднялась. Взяла рюкзак и накинула его обратно на плечи. Поправила солнцезащитные очки и кепку. По кедам карабкались муравьи. Стряхнула их и зашагала в сторону единственного на всю округу дома.

За темными стеклами висели старенькие шторы. Постучала. Стала ждать. Посмотрела вверх на проплывающее облако, рядом с которым пролетела большая черная птица. Тополя возле дома легонько покачивали своими верхушками, шелестя зеленой листвой. Я снова постучала, но так никто ко мне и не вышел. Прислонилась к стеклу и стала всматриваться. Дома, по всей видимости, никого не было. Сквозь стекло я разглядела телевизор, диван, двери, ведущие в другие комнаты. На подоконнике стояли цветы. Герань. Еще раз постучала, но уже без надежды на то, что мне откроют. И пошла вдоль дома к забору. В деревянном заборе была дверь. Подергала за ручку – закрыто.

– Эй, – крикнула я, – есть кто дома?

Взялась руками за край забора, встала на цыпочки и попыталась заглянуть во двор. Там росла яблоня, стоял покосившейся сарай, возле которого лежали дрова. Я встала на самые кончики пальцев и хотела еще раз крикнуть, но в этот момент случилось неожиданное событие. На меня с лаем и скаля зубами, выпрыгнула собака, стараясь ухватить за руки. Я еле успела убрать их с забора. Потеряла равновесие и упала на землю. Испугалась. Сердце в груди нешуточно стучало. Собака гавкала, но перебраться ко мне не могла. Придя в себя, я поднялась с земли. Отряхнулась от пыли. Собака все еще гавкала, рычала и крутилась за забором.

– Тише-тише, – пыталась ее успокоить. Но она не слушалась, – ну и черт с тобой!

Дома явно никого не было, да и пробраться заночевать мне из-за собаки не светило. Я пошла дальше от дома, оставив его позади, как и пустую платформу. Пойти бы мне пешком по шпалам до самого юга, до моря, которое я так хотела увидеть. С грустью посмотрела на рельсы, все еще блестящие в лучах солнца. И пошла дальше по тропе. Она вела в поле. Там же были следы от автомобильных колес, уходящие вдаль. Я сорвала травинку, засунула ее в рот и, покусывая, отправилась в путь по тропе через все поле.

Солнце медленно, но неумолимо клонилось к закату. Устремившись в сторону леса, который виднелся вдали, оно падало и падало с каждым моим шагом. Лучи уже светили

не так ярко, касаясь придорожной травы. А я все шла, вдыхая сладкие запахи цветущего поля. Кружились пчелы вокруг и бабочки. Домик позади, стал уже совсем маленьким, крошечным голубым очертанием. Я продолжала оглядываться назад. Скорее в толике надежды, что вот-вот проедет поезд. Или увижу машину хозяина дома. Но, судя по следам, он мог вернуться только тем путем, по которому шла сейчас я. И ни поезда, ни машины, ничего. Тишина летнего вечера. Над головою летают птицы. Спина уже подустала нести рюкзак. И от жары хотелось пить.

Я остановилась. Сняла с плеч рюкзак. Распрямила плечи, подняла руки вверх, сняла кепку и помахала ею на лицо. Из рюкзака достала начатую еще в электричке бутылку воды, открутила крышку и сделала пару глотков. Вода успела нагреться за это время, но, тем не менее, выбирать не приходилось. Чуть плеснула в руку и протерла водой лицо. Стало заметно лучше. Хотела уже закрутить бутылку, но, по своей неловкости, выронила крышку, и она, покотившись колесом по дороге, закатилась в траву. Я подошла к тому месту, где она пропала, и потянулась за ней. Кузнечик прыгнул мне на руку и тут же ускакал прочь. Крышку я нашла сразу, вытащила ее, сдула пылинки и стала закручивать обратно. В этот момент мой взгляд остановился на чем-то впереди. Прищурилась, пытаясь сфокусировать взгляд, и поняла, впереди находится какое-то строение. Значит, я была на верном пути.

Закинула бутылку обратно, застегнула рюкзак, надела

кепку. Под ногами пыль разлеталась маленькими облачками от моих шагов. Птицы щебетали, а за горизонтом облака стали собираться в темные тучи. Небо окрашивалось чернотой. Солнце уже вот-вот приблизится к верхушкам деревьев, расположенных шапкой на холме. А я же почти добралась до здания, и до моих ушей стал доноситься странный шум.

Это была река. Широкая река, над которой кружились ласточки. А здание-то было на дамбе. Вода гневалась, разбиваясь о бетонные плиты. Впереди по ее течению виднелись домики. Какая-то деревня, скорее всего. Я прижалась к периллам и стала любоваться красотой, представшей передо мной. Внизу пенится вода, протекает сквозь столбы и мчится вперед. Деревья растут по берегу, а за ними проглядываются крыши домов. Кто-то там плавает в реке. Слышу голоса и смех. И на сердце становится так легко, так тепло. Я ловлю себя на мысли, что на лице моем улыбка. Мне это в радость. Я не знаю где я, но мне хорошо здесь и сейчас. Именно ради таких моментов я и бежала, куда глядят глаза. В поисках счастья, в поисках новых воспоминаний, пестрых картин и чувств радости от новых ощущений.

В темной воде отражается загоревшееся багрянцем закатное небо. Вот только темные тучи, разрастающиеся чернильным пятном впереди, меня совершенно не радуют. Вроде бы и молнию я уже видела, но только гром не последовал. Или же он растворился в шуме воды. А люди сидели неподалеку от своих домов у самой реки. Кто-то плавал, кто-то

разжигал костер. И тоненькие струйки дыма, просачиваясь сквозь листву, улетали навстречу вечернему небу.

Я услышала позади себя звук и обернулась на него. Возле здания ковыляла старая собака. Она остановилась и посмотрела на меня. Зевнула, обнажив ряд белых зубов. Я присела и поманила ее к себе. Попыталась даже посвистеть, но у меня никогда это особо не получалось.

– Ко мне, ко мне, дружок.

Собака завиляла хвостом, но не спешила подходить. Она стояла и смотрела, оценивая ситуацию. В глазах ее было сомнение, хотя желание тепла и ласки было сильнее. Я поднялась на ноги и стала осторожно идти к ней навстречу. Хоть и виляла она хвостом, на морде было недоверие.

– Тише-тише, иди сюда, иди.

И она, прихрамывая, направилась ко мне. Я легонько коснулась ее шерсти.

– Вот, видишь, нечего бояться.

Почесала ее за ушком. Ей явно это был приятно. Зажмурила глаза и хвостом стала махать, как маятником. Туда-сюда, туда-сюда.

Она была уже старая. И скорее всего, нечасто на ее долю приходились такие вот моменты. Видимо, ее давно все позабыли, оставили охранять заброшенное строение. Ни тепла, ни ласки. Одна, совсем одна. Лишь ласточки составляют хоть какую-то компанию. Она обрадовалась моему обществу. Я всегда умела найти общий язык с животными.

Не в буквальном смысле, конечно. Нет. А вот так. Никогда не могла оставаться равнодушной. Всегда было жалко дворовых кошек и собак. Заведут их люди, а потом выбрасывают за ненадобностью. Сердце кровью обливается.

Я сидела на корточках и приглаживала собаке шерсть. Вдруг я услышала громкий звук. Собака вскочила и наострила уши.

– Кхем.

С другой стороны здания вышел мужик. На нем были надеты спортивные штаны с белыми полосками и старая замызганная майка с дырой на животе. Он почесал живот через дырку, протер глаза и громко рыгнул. Затем заметил меня и собаку.

– З-здрасти, – сказала я.

Собака оскалилась на него.

– Уф! – Отмахнулся он от нее и побрел по дороге в сторону холма.

Он отошел от нас уже метров на двадцать. Собака гавкнула ему вслед.

– Тише, все хорошо.

Какая странная вышла встреча.

А из треснутого окна бирюзового строения на меня смотрела тьма. И было в этой тьме что-то пугающее, но в то же время успокаивающее. Сосредоточение всей тишины, возвышающееся над рекой. А ласточки уже оправлялись в свои гнезда до следующего утра. В небе начали зажигаться первые

звезды. Только вот позади меня сверкали молнии, да гремел гром. Темные-темные тучи охватывали небо в свои тяжелые объятия. Ветер усиливался, и на душе становилось как-то беспокойной.

Мужик брел к холму и в вечерних сумерках был виден лишь его силуэт, покачивающийся из стороны в сторону. Закралось такое чувство, что вот-вот он должен упасть. Но, тем не менее, этого не случилось. Он скрылся в тенях и пропал из виду. На холме том, куда направился мужик, виднелся храм. Его золотые купола подсвечивались с каждой новой вспышкой. А лес качался на ветру, негодуяще размахивая листвою. Гром отражался от холодной бирюзовой стены и застывал на секунду в воздухе.

Там впереди уже идет дождь. Он разгоняет людей по своим домам, тушит костры, стучит по поверхности реки. Буря приближается. Все ближе и ближе, расплосовывая небо яркими вспышками. Гром сотрясает землю, заставляя сердце мое замереть. Природа бушует своей яростью. Даже все птицы скрылись по гнездам, прекратив пения. А собака прижалась ко мне. Ей тоже не по себе.

Я наблюдаю за приближающейся тучей. Вот первая капля падает рядом на асфальт, за ней тут же следующая. Холодная вода касается моей руки и щеки, остается мокрым пятном на кедах. Дождь усиливается. Тьма сгущается.

Приходится подняться и подбежать к лестнице. По металлическим ржавым ступеням мои шаги звучат так гром-

ко. Дождь льет, перебивая шум реки. Непроницаемой стеной выливается на нагревшуюся за день землю. Пар поднимается от раскаленного асфальта. Дымка клубится над темной рекой. Я добегаю до последней ступени. Изрядно промокла. В надежде тяну на себя дверную ручку. Ничего. Дверь еле заметно дернулась, но не открылась. Я сильнее наклоняю ручку вниз. Тяну изо всех сил. Раз-второй-третий. И дверь поддается. Открывается. На меня из тьмы вырывается затхлый запах пыли, бетона и тухлой речной воды. Пленяет меня и затягивает внутрь. Дверь с лязгом и скрипом закрывается за моей спиной, оставляя меня в полной темноте.

Моей ноги касается что-то. Я отхожу на шаг и прижимаюсь к стене. Ничего не видно. Но тут блеснула молния, подсветив сквозь окна небольшое помещение. Собака, оказывается, забежала со мной и теперь принюхивалась, изучая новое для себя место. Помещение было абсолютно пустое, если не учитывать старый красный диван, из которого выглядывало несколько пружин. Голые серые стены окружали со всех сторон. Снова воцарилась тьма. Раздался гром, от которого затряслись стекла. Я отлипла от стены и сделала несколько неуверенных шагов вперед. Собака была рядом. Лизнула мою руку. Хотя я и знала, что это она, но стало как-то не по себе. Что-то мокрое и шершавое касается твоей руки в темноте неизвестного места. Это заставляет остановиться и перевести дыхание. Сказать мысленно себе, что все нормально, все хорошо.

Я дошла до дивана, который стоял посреди этой комнаты. В темноте врезалась в него ногой и отбила голень. Охая и ахая, кое-как все же села на диван. Он издал противный скрип и продавился. Я не хотела думать о том, что до меня он успел повидать. Кто спал на нем, сидел и вообще что делал. От него исходил весьма неприятный запах, а коснувшись подлокотника, я ощутила что-то липкое и мерзкое.

– Фу, какая гадость!

Мои слова громко прозвучали в стенах.

– Э-ге-гей! – Крикнула я, чтобы послушать, как эхо звонко тревожит мрак.

Собка уже лежала рядом у моих ног.

Надо сказать, что теперь моя ночевка на том вокзале не казалось такой уж ужасной. Было по крайней мере сухо и тепло. Да и провела я там всего пару часов. Здесь же мне было холодно и сыро. Одежда прилипла к телу. А сознание рисовало странные образы, притаившиеся в темноте. Смотрят на меня, ждут, когда я закрою глаза. Но здравая часть сознания рассуждала более логично – здесь никого нет и быть не может. Молнии время от времени озаряли тьму, и я успевала осмотреться. Никого. Только я и собака. И мои мысли. В такие моменты все сильнее обуревают желание вернуться обратно. Пульсирует внутри, жжет. Хочется бросить и бежать домой, обгоняя даже ветер. Но я сильная! Это моя жизнь, мое путешествие и нельзя останавливаться на полпути. Все в моих руках. Молнии продолжают сверкать за ок-

ном. Ветер завывает вместе с громом. Собака во сне подергивает лапой. А моя голова тяжелеет, глаза закрываются, мысли разлетаются по углам, и я засыпаю.

Белая комната. Яркий свет режет глаза. Лампочка на секунду гаснет, издав неприятный звук. Снова загорается. Передо мной стол. Такой же белый, как и все прочее здесь. Я сижу на стуле, таком твердом и неудобном. Пытаюсь как-то сесть, чтобы было хоть чуть-чуть лучше, но не выходит. Локти лежат на подлокотниках стула. Пальцами рук провожу по ровной и гладкой поверхности стола. Осматриваюсь по сторонам, но ничего интересного не нахожу. Каждая стена – это копия трех остальных стен. Безукоризненно ровные, белые, яркие. Глаза болят от этого цвета и света. Так же начинает болеть голова. Я делаю глубокий вдох. Еще один. Нервы напряжены. Но ведь именно этого они и добивались. Я стучу пальцами по столу. Тук-тук-тук. Быстро-быстро-быстро. Хочу закричать, но толку в этом не будет никакого. Я должна быть сильной должна...

Дверь открывается. Позади нее тьма по сравнению с данной комнатой. Ко мне молча входят два человека. Мужчина и женщина. На обоих надеты белые халаты. У обоих очки. Они не говорят ни слова. Молча входят, закрывают за собой дверь и садятся напротив. Мужчина кивает женщине

и та кладет на стол диктофон для записи разговора. Достает из папки листы. Выкладывает их на стол передо мной.

– Возьми, – мужчина протягивает мне лист, – рассмотри внимательно и скажи, что ты видишь.

Они внимательно смотрят на меня. Пронизывают своими глазами и молчат. Просто молчат, наблюдая за моей реакцией, за моими действиями.

Я беру лист в руки. Смотрю. На нем изображены черные кляксы, которые, якобы, должны быть на что-то похожи. Я вглядываюсь в них, пытаюсь сообразить. Пятна приходят в движение и начинают складываться в картину.

– Бабочка, – говорю я.

Несмотря на диктофон, они тут же открывают блокноты и делают в них какие-то заметки. Их лица невозмутимы и ничего не выражают. Никаких эмоций. Я хочу знать, все ли правильно сделала, но они никак не комментируют происходящее.

Мне протягивают следующий лист. На нем такие же пятна, правда, расположенные несколько иначе. Это какая-то голова? Со страшным оскалом? Нет, я не должна видеть подобное. Здесь определенно есть что-то другое, что-то... Линии и кляксы начинают двигаться, меняя свои позиции. На моих глазах вырисовывается совершенно иное.

– Самолет.

Действие повторяется. Они словно сами проваливаются в свои блокноты, пока водят в них ручками.

– Вот, – протягивает он мне следующий.

Но я больше не хочу смотреть на эти пятна. Не хочу! Я устала. Мне надоела эта комната, надоел столь яркий свет, от которого только глаза болят. Я ненавижу этих людей!

– Нет, – отвечаю я.

Они словно не услышали меня.

Снова говорю:

– Нет.

Смотрят на меня, оценивают.

– Что ты там видишь?

– Ничего. Я не хочу больше этим заниматься.

– ЧТО?!

– Не-хо-чу.

– Как это? – Выпучивают на меня глаза.

– Я устала, хочу уйти. Выпустите меня.

Хочу подняться, но только сейчас замечаю, что руки мои привязаны к стулу.

– Я хочу уйти, хочу уйти, хочу уйти отсюда!

В их глаза появляется новый блеск. Любопытство? Озадаченность?

– Просто развяжите меня и оставьте в покое.

– Но это невозможно, – отвечает женщина тихим голосом, – ты ведь и сама должна это понимать.

Я чувствую, как лицо начинает пылать от растущего внутри меня гнева. Он переполняет меня и вот-вот выльется за края.

А мужчина, как ни в чем не бывало, снова протягивает мне лист.

С меня хватит.

– НЕТ! – Кричу я изо всех своих сил, пока в легких не остается воздуха.

От моего крика взрывается лампочка. Гаснет свет. В последнюю секунду я успеваю увидеть на их лицах новую эмоцию. Что это? Страх? Меня засыпает осколками стекла.

Какое-то время мы сидим в полном молчании в темноте. Ничего не видно. Я слышу лишь свое учащенное дыхание собственное биение сердца. В висках стучит кровь. Затем загорается аварийный красный свет.

Передо мной те же лица. Без эмоций. При данном освещении они до ужаса похожи на безумных врачей из фильмов ужасов. Белые халаты стали алыми. В глазах – пустота.

– Мы должны продолжать. Так надо, любимая.

– Да, дочь. Наш майский цветок, ты обязана придерживаться плана.

– Нет, я не хочу этим заниматься. И вы должны понять меня. Должны отпустить. Ведь вы же мои родители, в конце-то концов!

Я подсакиваю со стула. Мои руки больше ничто не удерживает. Замахиваюсь и раскидываю листы. Они разлетаются в разные стороны множеством причудливых лиц, нарисованных на них. Мне никто не мешает.

– Мам? Пап?

Они не отвечают мне. Не смотрят на меня.

У меня нет больше желания оставаться здесь. Я разворачиваюсь и направляюсь к двери. Некогда белые стены – теперь красные. Все красное, словно измазанное кровью. Меня тошнит от одной мысли об этом. Голова идет кругом. Пусть все провалится в бездонную пропасть. Пропадет, исчезнет, развалится на части. Лишь незначительный осколок меня хочет вернуться обратно и дотронуться до родителей. Ведь я же их все равно люблю. Но нужно двигаться вперед. Я протягиваю руку и дотрагиваюсь до дверной ручки. Тяну ее на себя. Дверь открывается. Впереди тьма. Я не оглядываюсь. Без боли, без сожаления и сомнения делаю шаг вперед. Один единственный шаг. И вхожу в темноту.

В ней все проще.

Утро настало незаметно. Я пробудилась ото сна и приоткрыла глаза. За окном уже было светло. Бок болел от уткнувшейся в него пружины. Все тело было ватное, и спать еще хотелось. Но, не смотря на это нужно вставать и отправляться в путь. Собака меня покинула. Вышла, наверное, через полуоткрытую дверь. Помимо меня здесь больше никого не было. В воздухе стоял запах сырого бетона. А по окну стучали одинокие капли ночного дождя. От грозы не осталось и следа. Я поднялась и подошла к окну. Потянулась, зевнула и поче-

сала глаза. За окном была видна река, над которой повис туман. Небо распогодилось. Было ясно и светло. Солнце только думало подниматься. Я бы еще спала и спала, но глядя на диван, все желание сразу же пропадало. Нужно было сначала позавтракать, а уж потом думать, что делать дальше. Я вернулась к дивану. Присела. Он негодуяще заскрипел. Растегнула рюкзак и заглянула внутрь, чтобы оценить все свои скудные запасы. Их было мало, и это весьма расстраивало.

Собка видимо услышала, что я проснулась. Она заглянула внутрь, увидела меня и осторожно вошла. Я поманила ее к себе. Достала из рюкзака сосиску. Это ей сразу понравилось. Она жадно схватила подарок и стала довольно пережевывать. Я же легонько коснулась ее шерсти на прощанье и вышла на улицу навстречу новому дню.

По правому берегу реки от дамбы бил ключ. Местные жители сделали к нему ступеньки и что-то похожее на деревянный домик. Вода в нем была ледяная и так приятно журчала. Я пропускала ее сквозь пальцы, слушая пенье пробуждающихся птиц. В реке плескалась рыба, и квакали лягушки; вода была кристально чистая. Можно было рассмотреть абсолютно все. Маленьких и крупных рыб, мелькающих тут и там. Зеленые водоросли, прижимаемые ко дну течением. Песок, ракушки, камешки. Все можно было увидеть и по-

любоваться простой красотой. На противоположном берегу виднелся большой деревянный дом. Позади меня на холме гавкали собаки. Теплое летнее утро наступало. Солнце уже поднялось, и его лучи начинали усиленно пригревать.

Я успела перекусить, съев последнюю сосиску и яблоко. Запила водой из родника. Наполнила бутылку с водой. Теперь же сидела на берегу и просто наслаждалась тишиной. Спать все еще хотелось, но не так сильно. Над головой проплывали большие белые облака, похожие на различных животных. Одинокая плакучая ива качала ветвями, отзываясь на легкие порывы ветра. С ее листьев летели на сырую землю последние капли прошедшего дождя.

Вода манила. Журча, звала к себе. И я решилась откликнуться на ее зов. Огляделась по сторонам. Никого вокруг не было. Ни единой души. Да и кто в такую рань здесь будет находиться? Я положила рюкзак ближе к дереву. Сняла обувь. Попробовала воду пальцами. Несмотря на близость холодного ключа, вода все равно была теплой. Недолго думая, я сняла с себя одежду и стала осторожно, ощущая песчаное дно под ногами, заходить в реку. Рыбы кружились у моих ног, хватая пузырьки воздуха своими ртами. В стороне неподалеку я услышала какой-то звук. Обернулась. Посмотрела. Прислушалась. Никого там не было. Все тот же лес, все тот же холм за ним. И тишина, нависшая над этим местом. Наверное, просто показалось. Или же сухая ветка упала с дерева. Все возможно. Я не стала забивать себе голову всяки-

ми размышлениями на этот счет. Сделала шаг вперед, за ним еще один. И вот я уже по пояс в воде. Было тепло и так приятно находиться в реке. Шумел камыш, вода неслась медленным течением вдаль, скрываясь за деревьями. В деревне люди еще спали. Лучи солнца касались своим теплом моей кожи. Я наклонилась вперед, протянула руки, оттолкнулась и поплыла. Река была широкая и я даже не думала переплыть ее. Недалеко отплыла от берега, перевернулась на спину, закрыла глаза. Где-то в глубине души я бы хотела, чтобы вся жизнь была похожа на данный момент. Чтобы все и всегда было хорошо. Нет проблем, нет переживаний. Нет ничего такого. Просто жизнь, легкая, как облака над головой. И такая же белая, воздушная. Я передвигаю руками и ногами, плыву. Живу. Можно было бы остаться в этом моменте навсегда. Вечное лето, вечное спокойствие и умиротворение. Остановить время, хотя бы ненадолго. Лишь до тех пор, пока не появится что-то более привлекательно. Да, наверное, я так уже и сделала. Время для меня замерло. Это ведь так просто! Закрывать глаза и услышать жизнь, закрыть глаза и ни о чем не думать. Стрелки замирают, время останавливается....

Снова звук доносится с берега. Мысли возвращаются. Я переворачиваюсь со спины. Смотрю. Ничего. Никого. До боли знакомая тишина. Ни единого движения или намека на то, что здесь кто-то есть. Я одна. Но так ли это? Меня не покидает чувство, что за мной кто-то наблюдает с берега. Кто-то притаился между деревьев. Подглядывает, смотрит неотрыв-

ным взглядом. Только вот я никого не вижу. Беспокойство охватывает меня. Еще чуть-чуть и появится паника, а этого нельзя допускать. Сердце заметно стало биться сильнее. Я задерживаю дыхание и говорю мысленно себе, что все нормально, все хорошо. Здесь только я и тишина, здесь только я. И делаю глубокий вдох, еще один и еще, чтобы взять в себя в руки. Нужно возвращаться на берег. Момент единения с природой упущен. Я загребая руками воду. Сильнее, быстрее. Чтобы поскорее оказаться на берегу и одеться. Не проходит и пары минут, как я уже стаю одетая. Ловлю себя на мысли, что пытаюсь что-то отыскать глазами среди пышной листвы деревьев. Вот только там никто так и не появился. Но я слышу. Слышу хруст сухой ветки.

– Есть тут кто? – Спрашиваю скорее себя, нежели того, кто там притаился.

Я не хочу получить ответ на свой вопрос. Нет. Там никого, я одна. И никто мне не отвечает. Лишь птицы весело щебечут на разные лады. Показалось, значит, почудилось. Но отчего же меня до сих пор так и не покидает то чувство, что за мной кто-то наблюдает? Нет уж, здесь больше мне делать нечего. Я в второпях надеваю кеды, хватаю рюкзак и бегу оттуда прочь. За спиной журчит родник, шелестит листва. Впереди виднеется дамба. Я поднимаюсь по старым прогнившим сырým ступеням. Поскальзываюсь немного на них, но продолжаю бежать. Выбегаю на тропу у холма, откуда виден весь берег. Всматриваюсь. Ничего. Река, дома,

лес. Но шестое чувство никогда не обманывало меня. Оно правдиво. Только вот может зверь там был или... Не стоит на этом заикливаться. Нужно просто убираться прочь. Как можно дальше от этого места. В город. Поймать попутку и умчаться на крыльях ветра к своей давней мечте.

Такой безумный-безумный мир. Такая интересная жизнь во всех своих бесконечных лабиринтах.

Я иду по тропе и слышу только свои шаги. Она меняет наклон и поворачивает влево. Затем выпрямляется и резко направляет меня вверх. По меловой, чуть скользкой и грязной от дождя тропе мимо орешника, я поднимаюсь все выше и выше. Большие виноградные улитки беспечно ползают вокруг, никак не реагируя на меня. А я же стараюсь внимательно смотреть под ноги, чтобы ненароком не раздавить их. Я запыхалась, но все же поднялась наверх. Моему взору открылась удивительная красота. И былая проблема исчезает, ее никогда и не было. Забывается, пропадет, растворяется. А я же словно на краю мира, стаю и люблюсь великолепием природы. Река, разрезая огромное поле, скрывается за горизонтом. И солнце поднялось повыше. Я вижу дамбу, где доживает свой век одинокая собака. Вижу точку маленького голубой домика возле платформы. По рельсам бежит змеей поезд, как игрушечный. Скорее всего, та самая электричка, на которой я приехала сюда, возвращается обратно. А справа раскинулась множеством разноцветных домов деревня. И деревья в лесу отсюда кажутся такими небольшими.

Я поднимаю руки вверх. Приветствую день, приветствую жизнь и тишину безмятежной, вечной природы. Ничто больше не должно потревожить меня. Все хорошо. А купола храма, который теперь находится так близко, искрятся в лучах. Горят, блестят, словно звезды, которые никогда не погаснут.

Глава вторая. Чистый лист

Из тишины рождалась истина. Безмолвные образы расступались и исчезали. Появлялись звуки. Мир вырисовывался тончайшими линиями, будто состоящими из пепла. Серого, холодного, мертвого. Где-то издалека, словно из другого, более прекрасного мира, доносились голоса. Свет одиноким лучом, как праведным мечом, пытался рассечь тьму. Его попытки, по крайней мере, оказались не напрасны. Я больше не мог игнорировать свет, бьющий мне точно в правый глаз. Пришлось перевернуться на другой бок. Но, почувствовав, что тело совсем онемело и больше не могло пребывать в лежачем положении, попытался подняться на ноги.

Голова безумно болела. В ней устроили битву все демоны преисподней. Им было там весьма тесно. Нога слетела вниз с кровати и зацепила бутылку. Она качнулась и упала со звоном на деревянный пол. Этот звук отозвался в висках.

Стоял полумрак. Лишь пыль кружилась в тончайшем свете единственного луча. Его теплое золотистое свечение было лишним в этой комнате. Одинокий, тускнеющий, ненужный. Как и вся моя чертова жизнь.

Я не хотел снова возвращаться в этот мир. Мне нечего здесь делать. Какие-то странные силуэты, блуждающие день за днем за окном. Сквозь шторы мелькающий свет. Тихие голоса. Радостные крики. Зачем все это нужно? В голове ка-

вардак. И просто бардак. Но я ничего не имею против этого. Такова жизнь.

Рука тянется вниз с кровати. Как перчатка, из которой выползают черви. Черви-пальцы. Они рыщут в поисках добычи. Хватаю воздух, касаюсь пола. Тщетно. Вдруг задевают что-то прохладное, твердое. Бутылка. Хватают ее и поднимают выше. Еще выше. Пока горлышко не оказывается возле моего рта. Едва заметное движение. Ядовитая жидкость обжигает язык, скатывается дальше по пищеводу. Все внутри горит, содрогается спазмами и болью. Горит сама душа, если она еще есть во мне. Черви роняют бутылку, и она разлетается на полу на тысячу острых осколков. Осколки стекла – зубы дьявола.

Огненная вода пошла не в то горло. Я откашливаюсь. Кашель тревожит мой покой. Я чувствую, как лицо краснеет. Как воздух не заполняет легкие. Приходится заставить себя подняться. Сажусь. Кашляю. Слезы наворачиваются на глаза. Тошнит. Умираю. Давно пора.

Но нет. Я жив. Пока еще. Все тело болит, словно состоит из тех самых осколков стекла, что лежат сейчас возле кровати на холодном деревянном полу. Я протираю глаза и пытаюсь сообразить. Кто я? Что я? Где я? Но мне отвечает пустота.

Пустота внутри, пустота снаружи. Горы бесцветных коробок серыми очертаниями своими заполняют комнату. Я не притрагивался к ним. Поверх их картонных крышек ско-

пилась пыль. Возле окна стоит стол. По темному дереву тонкой линией пробегает луч солнца. За окном день. Голова начинает болеть в разы сильнее, стоит остановить свой взгляд на ярком свете. Меня тошнит. Вот-вот вырвет. Я подсакиваю с кровати, хватаясь за рот. На глаза падают сальные непокорные волосы. В ступни впиваются осколки. Я чувствую, как они пробивают тонкую кожу. Чувствую, как начинает сочиться кровь. Я пытаюсь устоять на ногах. Боль от порезов скрывается среди всей, что сейчас играет в моем теле. Притупляется на время. Я закусываю губу. Цепляюсь мизинцем правой ноги об одну из коробок. Слышу хруст. Не удерживаюсь на ногах и падаю на деревянный пол. Отбиваю голову. Внутри все переворачивается и пустота, царящая во мне, вырывается наружу едким потоком. Я не пытаюсь остановить его. Меня рвет наизнанку. Я проклиная мир, жизнь, себя.

Когда, наконец, все прекращается, я вытираю рукавом рот. Ложусь на спину и смотрю в потолок. Меня окликает какой-то звук. До боли знакомый. Такой родной, такой...

Я пытаюсь как-то подняться, как-то облокотиться на коробки. Голова все еще болит и кружится. Но внутри пустота обрела покой. Я осматриваюсь. Взгляд скользит по голым стенам, по кровати, больше похожей на спальник бездомного. И вот я останавливаюсь на двух огоньках, вззирающих на меня со стороны открытой двери. Они не мигают. Укоризненно смотрят на меня. В сердце моем что-то замирает. Тоска нарастает с новой силой. Я ведь знаю эти глаза, эти са-

мые верные и преданные глаза. Но вот лишь на секунду где-то на краешке глаза мне кажется, что это Эльза. Она смотрит на меня укоризненно, чуть покачивая головой. Мое сердце разрывается на части. Я даже слышу. О, этот чертов звук, такой до безумия знакомый. Словно разбился стеллаж с хрустальной посудой. Только вот это произошло внутри. Ком подбежал к горлу. Где-то в безумном припадке я протягиваю вперед руки к ней. Она смотрит на меня и ничего не говорит. Затем в одно мгновение исчезает. Развеивается прахом на ветру. Я чувствую, как тотальная безысходность охватывает меня. Но вот ее глаза стоят передо мной, смотрят прямо на меня. Заглядывают в самую душу. Такие знакомые, такие родные. И они до сих пор видят во мне только хорошее, как это всегда было раньше. Во мне зажигается новый огонек. Что же я творю со своей жизнью?

На меня смотрит кот. Он сидит неподалеку и глядит в мою сторону. Тихо-тихо мяукает. Я хватаюсь за голову. Цепляюсь пальцами за волосы. Хочу рыдать, хочу ненавидеть себя еще больше, хотя это уже невозможно. А он лишь смотри. Не подходит. Молчит.

Локтем задеваю что-то, когда вновь пытаюсь подняться. Предмет падает на пол с глухим звуком. Я поднимаю его. Рассматриваю внимательно, словно впервые попался мне на глаза. Только вот ничто не может быть для меня настолько знакомым, как я сам, глядящий на себя с обложки. Прежний я. Что это? Радость на моем лице? Я забыл, как она долж-

на выглядеть. Словно в зеркало смотрю. Искажение временем, мыслями, чувствами. А ведь когда-то все было лучше. А теперь что? Что теперь? Ничего. Злорадная шутка кривого зеркала. Мне больно смотреть на самого себя. Во что же я превратился? Я не хочу, чтобы и кот смотрел на меня. Но ощущаю на себе его пристальный взгляд. И что-то вдруг слышу. Какой-то щелчок. Словно случайно задели давно забытый выключатель. В проводке еще есть немного электричества. Громкие странные звуки. Гул. Все кряхтит, трясется, начинает работу. Поток энергии бежит вперед, струится неудержимой рекой. Еще секунда и он врывается в самую суть меня. Зажигает лампочку. И вот, лежа в собственной крови и рвоте, ко мне приходит некое понимание вещей. Давно забытое, давно истлевшее в ночах, полных одиночества и самобичевания. И это понимание загорится перед глазами. Блещет ярчайшими вспышками. На язык наворачиваются слова. Их тяжело держать с каждой секундой внутри. Они начинаю жечь сильнее, чем самый жаркий огонь. Вырываются наружу. А может пора что-то менять?

Я смотрю на кота. Рот приоткрыт. Книга лежит рядом. Сердце замирает. Я... я хочу подобрать слова. Нужные слова. Самые чистые, самые светлые. Мне противно видеть бутылки, осколки, и самого себя. Ощущаю тепло солнца на руках. Голова проясняется. И вот я уже стою на ногах. Странное ощущение. Меня немного покачивает из стороны в сторону. Чувствую, как во рту все пересохло. Будто там теперь пусты-

ня. Сухая и пылающая. С привкусом рвоты в горле. Я провожу языком по растрескавшимся губам и произношу слова. Они адресованы моему коту, про которого я на время совсем забыл.

– Прости меня.

Он тихонько откликается мне в ответ, но пока не думает подходить.

Я распахиваю шторы, и солнечный свет заполняет комнату теплом жизни.

Я держу ее за руку и смотрю на угасающий блеск в ее глазах. Мне хочется сказать, что все будет хорошо, скорее самому себе, но это был бы обман. Ничего не будет хорошо. Никогда.

Комната. Темные стены. Холодный тусклый свет из окна.

Она просит меня, чтобы я жил дальше. Чтобы не терзал себя, не заикливался. Я сильнее сжимаю ее хрупкую руку.

– Да, – отвечаю я, – хорошо. – Но она и я понимаем, что правды нет в моих словах.

Я целую ее руку. Одни кости, обтянутые прозрачной кожей. Сердце в груди сжимается. Я не хочу смотреть на это. Не хочу, чтобы все это происходило с ней. Но ничего не могу изменить или исправить.

В углу на стуле сидит кот. В его глаза печаль, он все по-

нимает.

На стене висит картина. Мы когда-то купили ее на ярмарке. Боже, словно это было в другой жизни, словно это было не с нами. На картине изображены цветы. Ирисы. Они стоят в хрустальной вазе. Такая яркая и сочная картина. Она всегда радовала. В ней что-то такое было. Жизнь ли, а может пестрые краски весны. Не знаю. Что-то такое. Сейчас же в ней я вижу только тлен. Цветы вянут, засыхают, умирают. Как все в нашей жизни символично.

Эльза тяжело вздыхает. Грудь чуть поднимается под простыней. Затем кашляет. Сухой, грубый кашель разлетается по комнате жестоким эхом. Когда кашель прекращается, она едва приоткрывает рот. Так, чтобы можно было сказать слова.

– Земля не остановится. Мир не прекратит свое существование.

Где-то в глубине души я понимал это. Но, тем не менее, я слышал, как время начинает идти медленнее. Словно запись со старой пленки, на которой засняты большие часы. Тик-так-тик-так-тик...

И тишина.

Вот так все и выглядит. Взлеты и падения. Радости и переживания. Свершения и ошибки. Такова суть вещей.

Я не хочу жить прошлым. Оставаться в нем, впитывать всю горечь. Зачем? Да, правда. Но это подобно черной дыре. Той, что образуется внутри тебя. Внутри того места, где была душа. Черное-черное пятно. Оно разрастается и начинает поглощать тебя. Частичка за частичкой. Лишь одна маленькая деталь может помочь справиться, помочь жить дальше. Это светлые и чистые воспоминания, наполненные жизнью, радостью и смыслом.

– Ты должен жить дальше, – сказала она мне. И я должен последовать ее совету. Пусть тяжело, пусть больно. Но мир не замер. Все движется вперед, как и прежде.

– Мяу! – Кричит на меня кот.

– Да, что-то я снова ударился в воспоминания. – Пойдем, я тебя покормлю.

Это предложение он явно оценил. Распушил хвост и побежал за мной по лестнице вниз. Мы оказались на кухне. Здесь было как-то даже чисто и светло. Я открыл холодильник. Пустота. Только залежавшийся кусок колбасы. Я достал его и кинул коту. Он обрадовался и тут же накинулся на еду. Для меня же на столе стояла бутылка минералки. Еще не начатая. Она-то как раз сейчас жизненно необходима. Я взял ее и открутил крышку. Стал пить. Пил и пил, пока не осушил до конца. Выкинул бутылку в переполненное зловонное му-

сорное ведро. Снова сел и стал думать, что же делать дальше.

Уже вечерело. Желтый диск солнца мелькал среди пышной листвы за окном. Кот наелся и стал вылизываться, а у меня же в животе были только колики. Я пошел обратно в ванную. По пути легонько коснулся сероватой шерсти кота. Он был доволен, поэтому не стал возражать. Проводил меня взглядом и продолжил свое мокрое дело.

Я скинул с себя всю одежду, которая была весьма и весьма грязна. Встал под душ и стал наслаждаться теплой водой. Побрился. Затем вернулся в комнату, открыл шкаф и переоделся. Скорее всего, даже на человека стал похож. В комнате стоял хаос. Неприятный запах, мусор, пыль, грязь. Весь спектр «прекрасного». Но пока было не до этого.

Я сбежал вниз по ступенькам. Так же быстро оказался возле входной двери.

– Что ты? Хочешь гулять?

Возле моих ног извивался кот. И стоило мне чуть приоткрыть дверь, как его и след простыл. Он рысью побежал по двору. Запрыгнул на дерево и в считанные секунды перемахнул через забор. Видимо, уж очень засиделся он дома. Снова стало стыдно перед ним. Но стыд тоже предстояло засунуть куда-нибудь подальше на время.

Дорога поманила меня и повела за собой вперед. Я вышел на улицу и осмотрелся по сторонам. Неподалеку на лавочке сидели люди. Соседи. Кто-то в своем дворе разжег костер, который теперь задымлял округу. Кто-то просто про-

гуливался. Я же пошел по делам, наслаждаясь при этом теплым летним вечером.

Уже начали кружиться комары. А вокруг было столько разных звуков, от которых я успел отвыкнуть. Скорее всего, вид у меня сейчас был не слишком презентабельный. Я ловил на себя взгляды. Как-то неловко. Но мне было все равно. Дорога шла прямо. Справа стояли рядами деревья. Слева дома. Двое стариков работают у себя в огороде, который находится возле леса. Чуть подальше подростки, сидя на крыльце, играют на гитаре и поют. Им весело, им хорошо. Я прохожу мимо. Из леса доносятся звонкие трели птиц. На болоте устроили перекличку лягушки. Все живет вокруг и нежится в лучах заходящего солнца. Оно уже вплотную приблизилось к холму. Целует его и заключает его в свои нежные объятия. Там видны золотые купола храма. Я вдыхаю сладкий теплый воздух. И мне становится хорошо. Пусть на миг, пусть на мгновение, но это чувство приятно ощутить и пережить. Парочка проходит мимо меня. Косятся в мою сторону. Девушка ближе прижимается к парню, а он что-то ей рассказывает и смеется. Она же в ответ ему улыбается. Впереди виднеются девятиэтажные дома. Они, словно скалы, грядой уходят вдаль. Там проезжают машины. Я вижу мост, виднеющийся за низенькими деревцами, что слева у самого болота. А за ним трубы, словно гигантские сигары, выдыхающие облака. Жизнь не останавливается ни на минуту. Так было и так будет всегда.

Магазинчик находится не так далеко от моего дома. И весь мой путь занимает около десяти минут. Только вот солнце за это время успело зайти за холм и окрасить небо ярко-красным закатом. Из-за холма выплывали тяжелые облака. Я услышал звук, донесшийся до меня издалека. Может, показалось среди городского гула и проезжающих машин? Ветер усилился. И что-то ярко сверкнуло. Снова звук. Гром? Там, за холмом приближалась гроза. И ветер становился все сильнее и сильнее. Он беспощадно стал трепать зелень тополей. Из магазина доносилась тихая песня, играющая по хриплому радио. Я поднялся на ступеньку. Сделал еще раз глубокий вдох, чтобы вновь почувствовать сладость летнего вечера. Только в воздухе появилась прохлада и сырость. Я открыл дверь магазина и вошел в душное помещение под сопровождение знакомой песни.

Я тогда ей что-то рассказывал. Вот только не вспомнить уже что именно. Да, я всегда пытался увлечь ее каким-нибудь рассказом. Придет на ум нечто забавное из прошлого, так не удержать это в себе. Нужно поделиться. А она и рада послушать.

Дождь моросил. Мелодично стучал по раскрытому зонту, который я держал в руках. Эльза прижималась ко мне. Я помню улыбку: такую яркую и такую непростительно ясную

для такого серого и непогожего дня. Помню ее радостные глаза. Да, я много чего помню.

Мимо пробежал парень, сжимая в одной руке портфель, а в другой зонт. Он угодил ногой в лужу. Было видно, как тут же темное пятно окрасило штанину внизу. Что-то негодуяще пробормотав себе под нос, ненароком задел меня плечом. Я успел поймать его портфель, который незамедлительно решил вырваться на свободу.

– Простите, – сказал мужчина, когда я протянул ему его вещь, – сегодня не мой день.

– А вы сделайте так, чтобы он был ваш. – Сказала, улыбаясь, Эльза.

– Ах, если бы все было так легко.

– Все в ваших руках!

Он усмехнулся, кивнул и побежал дальше. Но я заметил, что часть позитивной энергии передалась ему. Капелька доброты. Эльза всегда так действовала на людей. Ей даже говорить подчас не приходилось, достаточно было одного ее взгляда.

Мы же пошли дальше, перешагнув через лужу. По дороге справа гудели машины, сверкая желтыми фарами. Там же проезжали забитые до предела маршрутки. В повороте скрылся, стуча колесами, трамвай. Над головой раскачивались тонкие черные линия проводов. В квартирах начинали загораться огни. А на крышах домов разрослись кустами антенны.

Мы уже подходили к подъезду, когда Эльза остановилась.
– Смотри!

Я не сразу сообразил, куда она мне показывает. Эльза потянула меня за собой. Мы оказались возле белой потрескавшейся стены дома. Там, прижавшись к бетонным ступеням, дрожал маленький комочек. Грязный, продрогший, забитый. Такого сразу и не заметишь. Он не обратил на нас внимания. Только когда Эльза наклонилась и прикоснулась к нему легонько, он вздрогнул и повернулся к нам. В его крошечных зеленых глазах было столько страдания, голода, боли. Но еще в них появилась какая-то блеклая звездочка надежды.

Эльза взяла его на руки.

– Мы ведь заберем его?

Они оба смотрели на меня, словно все дальнейшее существование зависело лишь от моего слова. Но я почувствовал, что уже не мне принимать решение. То ли это происки судьбы, то ли просто должно было случиться. Мы не могли пройти мимо, мы должны были его увидеть, и просто обязаны забрать его с собой.

– Да, – отвечаю я, – конечно.

Она одаряет меня одной из своих чудеснейших улыбок. Обняла. Котенок тоже наострил уши и задергал хвостом.

Наверное, всегда есть в самом темном дне свет, пусть даже тусклый. Это ль надежды, а может еще что-то. Как не назови, но смысл один: никогда не стоит опускать руки.

Уже после того, как мы пришли домой, искупали котенка,

накормили, Эльза сказала, —

– Давай назовем его Булкин.

Мне стало как-то немного даже смешно. Хотя, скорее забавно.

– Почему именно Булкин?

– Ну, знаешь, когда у нас с тобой будет не эта тесная квартира, а большой частный дом где-нибудь за городом, кот будет ловить в нем мышей. А Булкин, это сокращение от Буль-фигора – древнего божества охоты.

– Ты всегда умела придумывать что-то необычное.

Я обнял ее, поцеловал. Так сильно, так крепко. Я до сих пор ощущаю вкус ее губ.

День подошел к концу. За окном в ночь разгорелись огни квартир. Желтым светом, голубым, кое-где даже красным и зеленым. Город шумел в хороводе проносящихся автомобилей. Все шло, как и должно было.

Мы завалились в кровать, залезли под одеяло, включили фильм. Эльза прижалась ко мне, положив руку на мою грудь. Все было хорошо. Даже прекрасно. Булкин свернулся маленьким клубочком рядом и довольно мурчал. Из фильма раздавалась тихая музыка. Глаза начали закрываться сами собой. Я и не заметил, как заснул. Но знаю, что мне снились белые теплые облака. Такие мягкие. А под ними расстилались зеленые поля и леса. Широкой живой лентой журчала река. И я был здесь всем. Всей природой и гармонией, царящей вокруг. Был самой жизнью.

В затишье перед бурей лишь ветер тревожил листву. Темная туча уже возвышалась над холмом, словно выплывая из-за него. В куполах храма отражались вспышки молний. Под раскаты грома птицы срывались с крыш домов и исчезали в лесу. Люди чувствовали напряжение, исходящее от тяжелой темной тучи. Скоро должен пролиться дождь, чтобы остудить раскаленный за день асфальт.

Я возвращался домой, сжимая в руках полные пакеты продуктов. Теперь и буря нипочем, можно запереться и забыть обо всем на свете. Но стоит ли снова возвращаться в изоляцию, состоящую по большей части из мыслей. Мыслей, которые то и дело возвращают меня туда, где нет ничего кроме тьмы. Я покосился в сторону холма и подумал, что вот же она, та самая тьма. Двигается ко мне, раскидывая молнии и сотрясая землю. Что же она принесет с собой?

На болоте затихли лягушки. Где недавно звучала гитара – опустевшее крыльцо. Люди укрылись в своих стенах, так слепо полагая, что там им ничего не угрожает. Непрístupные замки и крепости. А ветер все усиливался. Очередная вспышка молнии взрывается за лесом, за ней по пятам следует величественный гром. Первая капля падает прямо передо мной, тут же исчезая на дороге. И наступает тишина. Полная тишина, такая осязаемая каждой клеточкой тела. Все

замирает внутри и снаружи. Ожидание. Из леса на волнах ветра доносится чуть слышное пение. Оно цепляется за каждую струну души, так мелодично разливаясь по всему телу. Что это? Такое теплое, звонкое, живое? Это поет гордая птица в гордом одиночестве своем, закатив яркую песнь, чтобы прогнать надвигающуюся тьму. Тщетная борьба, но такая красивая. Песнь взлетает в небеса и разлетается по округе яркими нотами. Я хочу остановиться, постоять, послушать. А лучше забежать в лес, где она будет звучать куда как громче. Только вот дождь усиливается, пока не начинает лить как из ведра. Молния бьет неподалеку. Так громко, так сильно. И песнь прекращается.

К тому моменту, как я добежал до дома, вся одежда на мне была мокрой. В кроссовках скопились лужи. Хлюпало. По лицу струилась вода. Кое-как извлек ключи и вошел. Кот сидел под навесом во дворе возле двери. Такое чувство, что его совершенно не тревожил ни дождь, ни гроза. Он наблюдал за тем, как тяжелые капли бьет по оконному стеклу. Я зашел в коридор и позвал его. Булкин неохотно пошел домой, но почуяв запах сосисок, исходящий из пакета, тут же приободрился.

На улице потемнело. Я зажег свет, покормил кота, повесил сушиться одежду, переделся и все, вроде бы, стало как-то лучше. Затем поставил чайник, приготовил еды и, наконец-то, в моем желудке оказалось что-то съедобное. Он довольно отозвался. И как-то даже захотелось уже спать.

Но сперва меня ждала небольшая уборка. Я выкинул пустые бутылки, подмел, помыл полы. И на удивление все это не заняло немного времени. За окном все еще бушевала гроза. И дождь казался, стал еще сильнее, хотя, куда же еще? По дороге уже текли ручьи, словно небольшие речушки. Я вышел из комнаты и пошел по коридору. Мои шаги по деревянному полу тихо отдавались в стенах дома. Такой большой дом, слишком огромный для одного человека. В нем одиночество ощущалось так сильно, так... Я не заметил, как оказался возле последней комнаты на втором этаже. В нее вела закрытая деревянная дверь. Рука потянулась к ручке, но замерла в сантиметре от нее. Раздался гром. Едва затряслось окно. Я почувствовал, как сердце в груди сначала с силой сжалось, а затем забилось так часто, будто поезд мчался внутри меня. Я сделал над собой усилие, протянул руку, и пальцы сжали ручку. Затем повернули ее в сторону. Щелчок. Дверь, скрипнув, открылась. Из темноты на меня повеяло спертым воздухом. В нем была смесь из воспоминаний и надежд. Я вдохнул его полной грудью и сделал шаг вперед.

В полумраке виднелись очертания стола. Я потянулся к выключателю и включил свет. На столе стоял хорошо мне знакомый компьютер. Возле него принтер и стопки бумаги. Я провел пальцами по пыльной поверхности стола, коснулся клавиатуры. На белых листах бумаги сознание тут же начало вырисовывать слова: «я», «мы», «мысли», «одиночество»

– Пустота, – проговорил про себя.

А ведь я не заходил сюда с момента переезда. Не притрагивался к компьютеру, не брал в руки ручку и бумагу. Забросил все, что было частью меня. И что бы на это сказала Эльза?

– Ты должен жить дальше! – Услышал я шепот за своей спиной.

Обернулся. Никого. Это все воображение, игры разума. Я был здесь один. И уже хотел уходить, как в комнату своей неспешной походной вошел Булкин. Он осмотрелся, понюхал, а затем подошел ко мне. Распушил хвост и стал тереться о мои ноги. Я наклонился к нему.

– Привет, дружок.

– Мур, – ответил он мне.

Я на миг успел увидеть в уголке его глаз яркий огонек. Скорее всего, это был лишь блик от лампы, но мне он напомнил Эльзу. В ее глазах я часто замечал такой огонек. Огонек жизни. Той, что в одночасье погасла.

– Ведь мы всегда будем вместе?

– Всегда.

– Но ведь «всегда» – такое громкое слово!

– Ну, – пытался я что-то придумать.

– Пусть лучше так: до последней секунды. Хорошо?

Я держал ее руку, такую теплую в этой прохладной ночи.

И где-то вдалеке стучал поезд. А над сквером мерцали огни супермаркетов. Но даже среди их света можно было увидеть несколько звезд. Мы любили приходить сюда. Сидеть, быть вместе, думать обо всем на свете и разговаривать. Редко кто проходил здесь. Разве что тени перешептывались неподалеку, но они нам нисколько не мешали. Город жил, город жил всегда. Вот только ночью он отправлялся в свои грезы и затихал. Любой случайный звук становился таким громким. Как сейчас звучат поезда. Днем их не слышно.

Дни становились короче. Холодало. Листья опадали с кленов и замирали на мокром асфальте. Только ветер тревожил их, гоняя по безлюдным тропам.

– Да, – шепотом, чтобы не потревожить тишину, отвечаю я.

А огни на небе передвигаются. Один влево, другой направо. Затем они возвращаются в исходное положение и замирают на минуту. Среди бледных одиноких звезд летит одна. Только вот это не падающая звезда, не комета или метеорит – это всего-то спутник. Мерцает в темном океане. Мигает. Будто бы посылает какие-то неизвестные сигналы в пучину неизвестности. Сигналы, значение которых известно лишь ему. Миг-миг-миг. А после исчезает на некоторое время, чтобы снова появиться.

В квартирах люди гасят свет. Ночь. Тишина. Лай бездомной собаки доносится со стороны дворов. И, как и все прочее, становится эхом, чтобы раствориться среди бетонных

коридоров. Только мы с Эльзой все еще сидим, прижавшись, друг к другу.

– Я когда-нибудь напишу нашу историю.

В сквере раздаются шаги. Быстрые. Раз-два-три. Они движутся к нам. Под желтым светом фонарей вырисовывается человек. Он поправляет воротник куртки. Поравнявшись с нами, бросает искоса взгляд. Продолжает путь, пока не скрывается в ночи. И вот его шаги уже не слышны. Он исчезает среди домов, откуда доносился лай собаки. Еще в одной квартире погас свет. И тишина. Только она с нами и для нас всегда.

– Так ведь мы ее уже пишем.

– Эх, Булкин.

– Мяу-мяу.

Я поднимаюсь на ноги. И подхожу к стулу. Отодвигаю его и сажусь. Провожу рукой по чистым листам. Включаю компьютер.

– Я начну все сначала. С чистого листа.

Кот улегся у моих ног и замурлыкал. В пустой комнате призраки прошлого возрождаются, подходят ко мне и что-то говорят. Я не должен забрасывать свой талант, не должен замыкаться и тихо умирать. Жизнь продолжается.

– Я напишу нашу историю!

Пальцы дотрагиваются до клавиш. Буквы превращаются в слова на белом листе на мониторе. Я пишу историю. Историю своей и ее жизней. Нашей жизни. Где из пепла воспоминаний начинает вырисовываться картина:

«Заглядывая в прошлое – всё кажется лучше...»

Котенок немного подрос. Его шерсть уже давно не запятнана грязью. Теперь она серая и мягкая. Он сидит на подоконнике и ловит лапами солнечных зайчиков. За окном же яркий день. Пришла весна, и люди повывлезали из своих коробок, чтобы поприветствовать солнце. Во дворе дети гоняют мяч по стадиону. Слышны их радостные крики. Пенсионеры окружили лавочки. Молодые мамы выкатили коляски. И можно было видеть, ощущать, как все пробуждается от долгого зимнего сна. Даже маленькие зеленые листики молодой травы стали появляться возле бордюров, вылезая из черной оттаявшей земли. А возле дома, из-под кусков красного кирпича, появился самый первый одуванчик. Такой маленький и беспомощный, кое-как пробивающий себе дорогу к жизни. Тянется ввысь тоненьким стебельком, покачивая желтой шапкой. Еще выше, хотя бы на пару миллиметров, чтобы быть ближе к солнцу. А мимо него прокрадывается кошка. Аккуратно, тихо, не спеша. Она заметила впереди на тротуаре воробья. Через секунду резво делает рывок

вперед, обнажив когти, вот только тщетна ее попытка. Воробей взмывает вверх и занимает свое место среди других таких же, как и он. Они сидят на колеблющихся нитях проводов и громко чирикают.

Я приоткрыл окно. Теплый ветерок устремился в комнату. Люди же, такие маленькие из квартиры, одеты, кто во что. Обманчива весна. Одни еще не спешат избавляться от курток, когда другие бегают в футболках. Для кого-то теплые порывы ветра и разогревшееся солнце перекрывают еще холодные дуновения и ледяные стены. Для других же совсем наоборот. И здесь каждый оказывается прав для самого себя. Обманчивая весна весьма и весьма. Ты ждешь уже, когда все расцветет, чтобы сорвать с себя тысячи одежек. Чтобы стать свободным и побежать по лучам, взмывая проснувшейся душой своей ввысь. Но на следующий день возвращаются дожди. Приходит серость и промозглые ветра, середь городской мглы. И город вновь на мгновение замирает.словно осень, снова осень внутри и снаружи. Унылые лица, промокшие под дождем, колеса машин, размывающие лужи. Переплетение тьмы и света. Весенний диссонанс. Но в комнату в данный момент влетает тепло. Нежно цепляет ветерок шерсть Булкина. А он и рад. Я стою рядом с ним, и чувствую тот же ветерок, пробегающий по коже. Эльза на кухне. В доме тишина, только вот соседи за стеной вновь устроили разборки между собой. Тихий крик доносится из-за бетонной стены. Затем притихает. Удар, звон стекла, крик. Громко хлопнула

металлическая дверь. Наступил покой. Относительный покой. И не живется же людям в мире.

Я погладил кота. Он в ответ замурлыкал и перевернулся на спину. Жужжа пролетела рядом муха. Булкин попытался поймать ее, но движение его лапы было столь ленивое, что муху оно никак не напугало. До нас стали доноситься вкусные запахи, и мы оба втянули носами приятный аромат. Тишина, покой, идиллия. А ведь все должно было стать еще лучше в сегодняшнем дне. Я пытался совладать с собой. Взять себя в руки. Но, тем не менее, отбивал ногой по полу бесконечный ритм. Некоторое волнение от ожидания не давало мне покоя. Я ждал, затаив дыхание, всматриваясь в проходящих внизу людей. Провожал взглядом каждую заехавшую во двор машину. И вот, когда нога совсем устала, а я перешел на отбивания ритма пальцами по подоконнику, в дверь позвонили. Кот наострил уши и приподнял голову. Я точно знал, кто позвонил в дверь. Хотя, скорее догадывался. Ведь всякое бывает. Слушал. Вот уже шаги Эльзы доносились из коридора. Щёлкнул замок. Затем послышались голоса. Но тихо. Я не разобрал слов. Дверь закрылась, и я увидел Эльзу, стоящую в комнате. В руках она держала небольшой сверток.

– Откроешь?

Волнение внутри не проходило. Глядя на этот маленький сверток в ее руках, оно стало еще сильнее. Я облизал губы, набрал больше воздуха в грудь и ответил, – давай лучше ты. Она стала разворачивать его. Обрывки картона падали

на пол.

– Смотри!

Она сжимала книгу. Темно-синяя обложка. Название, выведенное черными буквами. И внизу автор. Я.

– Я так горжусь тобой!

Она подбежала и заключила меня в свои нежные объятия. А мне все еще не верилось. Спустя столько лет мои старания оказались не напрасны. И вот я, стаю, сжимая книгу, написанную мной. Рядом любимый человек и теплый пушистый кот. Мечты сбывались на глазах. Мне даже на мгновение показалось, что это лишь сон. И вот, сейчас он закончится на самом интересном моменте. Я проснусь в полнейшем негодновании. Но нет. Моргаю. Еще и еще. Ничего.

– Ущипни меня.

– Что? – Спросила Эльза.

– Ущипни меня. Я хочу проверить, не сон ли это. А то все дюже как-то хорошо.

Она засмеялась

– Глупый, у меня есть идея получше.

Ее губы коснулись моих губ.

Сладкий-сладкий миг. Время останавливается. Муха замирает на стекле. Кот тоже притих. Все замедлилось для меня, для нас в этот момент. И книга выпала из рук. Быть может, она зависла в полете, ведь я не услышал, как она упала. И звуки с улицы притихли. Ничего. Только мы. Я и она, и вся вечность перед нами.

– Теперь ты в истории. Как и хотел. – Шепчет она мне.

– Да, – так же шепотом отвечаю я.

– Ах! – Воскликнула Эльза. – Там же сейчас все погорит.

Она вырвалась из моих объятий и пошла обратно на кухню. Я же собирался поднять книгу, но не успел. Раздался громкий звук. Эльза упала в дверном проеме. Я не понял, что происходит. Все внутри перевернулось. Забыв обо всем на свете, я побежал к ней. Она лежала. Бледна и неподвижна. Я стал трясти ее.

– Эльза, Эльза, очнись. – Она не реагировала. Сердце в груди моей сжалось от боли и безысходности. Я хотел уже вызывать скорую помощь, но тут она открыла глаза.

– Что с тобой случилось?

– Я...я не знаю.

В ее взгляде было полнейшее непонимание.

– Странно. Наверное, потеряла сознание. Я шла, а потом все перед глазами потемнело.

Я помог ей встать и проводил до дивана.

– Все хорошо, все нормально, – пыталась она утешить меня, глядя на то, как я переживаю. – Всякое бывает. Голову немного отбила, но ничего, пройдет.

А за окном пропало солнце, и нависли темно-серые тучи. Как все переменчиво в нашей жизни.

Заглядывая в прошлое – всё кажется лучше, – успел напечатать я.

И в этот самый момент раздался гром, и молния ударила где-то поблизости. Погас свет. Компьютер выключился. Мы остались с Булкиным одни в потемневшей комнате, где все образы прошлого вновь ожили и стали подкрадываться из мрачных углов. Все ближе, ближе и ближе.

Глава третья. Ловец снов

– Знаешь, – начинаю я диалог. Вот только слова опять не вяжутся с мыслями. Все путается, вертится и не получается связать одно с другим. Кавардак. – Мое, как его там, – слово вылетело из головы. А было ли оно там когда-нибудь? Не уверен. Я не в чем и никогда не был уверен. Хотя, и в этом высказывании самому себе я тоже, как бы это абсурдно не звучало, не был уверен. Парадокс жизни. – Ах, да, сознание! Мое сознание похоже на эту, – я хватаюсь за голову, словно она вот-вот взорвется от дикой боли, – похоже на эту, как ее, мозаику!

– А знаешь почему? – Она молчит. – Потому что мне всегда сложно подобрать очередную деталь. Чтобы... эм, такая красивая.... Да, картина! Чтобы картина стала цельной. Такой, знаешь, полной. Отсюда и досюда, – я развел руки в стороны. – Трудно подобрать необходимые слова. И вроде вот они, совсем рядом. Легко дотянуться, – я изобразил, будто что-то достаю из невидимого мешка. – Но ничего не происходит. Мешок пуст! И вот ты лазаешь там рукой, ищешь, а там пусто. И только потом приходит понимание, что искал-то ты не в том мешке! Достаешь нужный мешок, открываешь и вот тогда, если очень повезет, эти... слова, они приходят, как по волшебству. Но вот осадок остается. Такое чувство... как его там... словно хочешь чихнуть, но не можешь.

И давит, давит в висках. Здесь, смотри. Видишь? Молчишь? Ладно.

– А та, мозаика. Была у меня, да. Когда-то давно. Или недавно. Как посмотреть. Ведь все, черт... относительно. Да, относительно. Даже ты, какая-то относительная. Можно ли так говорить? Наверное. Я не знаю.

– Пойми, – я тыкаю ей в лоб пальцем. Она вздрагивает и пытается убрать голову в сторону. Но мой палец твердо впился ей точно в середину лба, на котором появились от волнения и напряжения морщины. Такие прямые темные линии и бугорки, будто бы волны на поверхности кожи. Кожи, такой нежной, такой теплой. Я убираю палец, чтобы не смущать более ее. – Пойми, – продолжаю я, – все просто. И сложно. Такова жизнь.

Я замолкаю. Не знаю, сколько там прошло времени, пока я вновь собрал хотя бы часть мыслей воедино. Но ее тяжелое дыхание вернуло меня обратно, и я продолжил, – мозаика, да. Мне ее подарили. Много времени за ней провел. Большая картонная коробка серого цвета. А сверху на крышке рисунок. Дом, такой большой. Нет, замок. Да, так называются такие большие каменные дома. А ведь тогда я даже мечтал о таком. Мечтал хотя бы увидеть его. Прикоснуться к его стенам. Они, наверное, такие шершавые, но горячие. Нагрелись на солнце. Хотя, я и думал, что, наверное, таких домов, то есть замком, не существует. Это все вымысел и выдумка. Если бы они были, я бы непременно увидел бы хотя бы

один. Или кто-нибудь из моих знакомых. Но никто их не видел, а значит – это все... вот опять забыл. Это все фантазии! Но мама говорила, что если кто-то что-то не видел, это не значит, что этого нет. Как-то так. Она мудрая. Тебе бы понравилась.

Я глубоко вздохнул и отвлекся. А мысли, подобно реке, что неустанно течет близ холма, устремились прочь. Но я их поймал, как, бывало, ловил рыбу, стоя на мели с большущей сетью. Расправишь ее, закинешь подальше и ждешь. Рыба непременно запутается среди сплетений темной ткани. И достанешь ее, и...

– Ах, да. Мозаика. Откроешь коробку с замком, изображенным на ней. А там множество деталей. Тысяча, ей богу! Запускаешь в них руку. Поднимаешь несколько. И высыпашь обратно. Они еще такой звук издавали приятный. Вот, я слышу его сейчас. А ты? Потом перевернешь коробку и высыпашь все на деревянный пол. И снова тот звук. А после водопад из деталей прекращается. На полу лужица из разноцветных... из разноцветных...

Она смотрит на меня. Молчит. Всегда молчит, наверное, это все потому, что во рту ее кляп. Так ведь без него она тут же начинает кричать.

– Из разноцветных деталей, – продолжаю я, вспомнив очередное позабытое в водах памяти слово. – И начинаешь их переворачивать, раскладывать, чтобы они не лежали друг на друге.

Возле стены пробежала пища мышка. Выбежала из малюсенькой дырки за оторванным плинтусом и тут же скрылась в другой. Она часто появлялась здесь. А может, это не только она. Наверное, их тут много. И все похожи. Маленькие, серые, с черными, как две крошечные бусинки, глазами. И пищат. Пищат и грызут что-то за голыми стенами, на которых едва ли не полвека назад висели обои. Теперь одни лишь лоскуты, обрывки потемневшей и пожелтевшей бумаги.

– Начинаешь складывать их воедино. Строишь на картинку. Прикладываешь одну деталь к другой. Не подходит. Затем находишь нужную, и она тут же становится на место. Вот так, часть за часть, деталь за деталью на полу выстраивается картинка с коробки. Понимаешь, да?

– М-м-м, – она что-то промычала.

Мне не понравилось, что я услышал. Издевается надо мной что ли, смеется? Я чувствую, как гнев закипает во мне. Чайник, который вот-вот зашипит, исторгнув из себя клубы пара. Но я пытаюсь сдержаться. Сжимаю кулаки. Смотрю в ее глаза. Темные-темные глаза, как у мышки. И мне противны они. В них отражается насмешка.

– СМЕШНО ТЕБЕ, ДА?! – Я не выдерживаю. Взрываюсь громким криком. Чувствую, как кровь внутри шумит, подобно реке. Грозной полноводной реке. Я замахиваюсь на нее рукой. Она же что-то отворачивается, пытаюсь закрыться от удара. На ее глазах я замечаю слезы. Понимаю, что не должен был срывать. Она ведь не может говорить,

ей мешает кляп. И не смеется она надо мной, не издевается. Она боится, очень-очень боится. И мне даже жаль становится ее. Ведь сердце мое не бетонное и не железное. Я успокаиваюсь. Сажусь обратно на стул, который шатается и скрипит подо мной.

– Прости, – говорю я ей, – я не должен был так себя вести. Мне, – я массирую голову, пытаюсь прогнать последние капли гнева и вспомнить слово, – жаль, – завершаю я предложение.

Она всхлипывает. Но я вижу, что слушать дальше уже готова. Вдыхаю спертый воздух. Облизываю губы и продолжаю.

– Так вот, – говорю я, – к чему же я все это. Собираешь мозаику. Долго собираешь. День, два. Ведь картина большая. Остается чуть-чуть, и тут ты понимаешь, что детали не хватает. Начинаешь искать ее. Заглядываешь в коробку – пусто. Строишь под кровать – пыль и паутина. Ничего.

Слышно ветер. Сквозняк завывает этажом ниже.

– Но в конечном итоге находишь ее под тумбочкой для телевизора. Или не находишь. Так вот и у меня в голове. Ты ведь понимаешь?

Она ничего не мычит в ответ.

– Я тебя спрашиваю, ты понимаешь? – Замахиваюсь и бью ее легонько ладошкой по щеке. Остается красный опечаток. След, который через мгновение уже исчезнет. Мои старания вознаграждаются, она начинает утвердительно кивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.